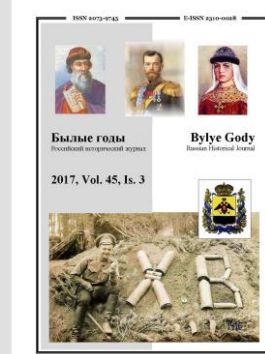

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 937-948, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.937
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

"Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part I

Artyom Y. Peretyatko ^{a, b, *}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b East European History Society, Russian Federation

Abstract

Until present time the reformations of Don Host in 1860–1870 years were associated primarily with Russian-wide context of the Great Reforms and modernization of Russian Empire. In this article we made effort to retrace regional prerequisites of these reformations and understand if they were necessary for Don Cossacks. Based on the works of contemporaries including archival materials (unpublished manuscripts of Cossack officials, projects of deputies from Cossack villages) we have come to conclusion that Don Host in the mid 19-th century was in state of serious crisis. Don Host Oblast in economical regard more and more fell behind in comparison to ordinary provinces of Russian Empire. Furthermore, traditional insularity of Don Cossacks caused irritation of imperial officials considering it to be manifestation of "don separatism" and, what is more, local realities did not conduce to its preservation.

Keywords: the reforms of Alexander II, D. A. Milyutin, Don Host Oblast, the reforms of the Don Cossacks 1860–1870, the crisis of the Don Cossacks in the mid 19-th century.

1. Введение

Великие реформы Александра II, навсегда изменившие лицо Российской империи, затронули и Войско Донское. Уже современники спорили о том, насколько необходимы были преобразования 1860–1870 гг. на Дону, связанные с личностью военного министра Д.А. Милютин. И многие голоса звучали резко критически. Вот что писал начальник донской артиллерии Г.П. Мамаев, выражая недовольство облегчением казачьей службы: «Долговременная льгота, сколько известно, неизмеримо расстраивает части: она подрывает дисциплину, принуждает казака к лени, в военном смысле, до того, что он совершенно забывает о военной службе, и помышляет только о своем хозяйстве, и, наконец, долговременная льгота *убивает дух казачества* (курсив мой – А.П.)» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 911. Л. 1). Даже официальное «Столетие военного министерства» признавало, что свободный допуск в станицы иногородних привел совсем не к тем результатам, которые ожидалось: вместо заводчиков и фабрикантов, которые своими капиталами помогали бы развивать промышленность, в станицы устремились «лица сельского сословия», что в перспективе привело к нехватке земли и падению благосостояния местного населения (Столетие, 1911: 90-93). Еще неудачнее сложилась история донских земств: после ряда общественных дискуссий, в том числе и с привлечением избираемых депутатов, они были ликвидированы в 1882 г. (Козлов, Козлов, 2000: 116-118). Вероятно, самый суровый приговор реформам 1860–1870 гг. в казачьих войсках вынес уже в правление Александра III оренбургский атаман Н.А. Маслаковец. «К сожалению, несмотря на все действительные блага реформ этих, применение таковых к казачьим войскам, по несоответствию начал их с духом и бытовыми особенностями казачьих обществ и отбываемой казаками воинской служебной повинности, едва было

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Y. Peretyatko)

в самом корне не подсекло всего строя их прежнего развития (курсив мой – А.П.) в духе служения казачьего населения не только на страже государственных интересов по окраинам России, но и как одной из серьезных и самобытных частей в целой системе боевых сил государства» (ОР РНБ. Ф. 1055. Д. 104. Л. 5). Противопоставив благополучные дореформенные времена текущему положению дел, оренбургский атаман призывал правительство смело идти по пути если не полной реставрации старых порядков, то хотя бы «восстановления прежнего значения казачьих войск» (ОР РНБ. Ф. 1055. Д. 104. Л. 70б.).

О потенциальной опасности радикальных преобразований на Дону предупреждали еще до того, как Военное Министерство перешло к их реализации. Донские консерваторы рассматривали правительственные проекты как заранее обреченную утопию, как попытку разрушить благополучный уклад казачьей жизни ради ничем не обоснованных надежд на создание нового, еще лучшего уклада. Уже тогда Х.И. Попов, известный общественный деятель, избранный от станиц Хоперского округа для участия в разработке нового «Положения о войска Донском», поставил эпиграфом к одной из своих статей слова В.Г. Белинского: «Чтобы дать народу или племени новый порядок, надо сперва спросить его, нужен ли ему этот порядок, чтобы избавить его от бедствий существующего у него порядка, надо сперва узнать, чувствует ли он эти бедствия» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 34. Л. 1). Х.И. Попов доказывал, что донское казачество новых порядков не хочет, и в них не нуждается (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 34. Л. 1-12). Так нужны ли были Великие реформы на Дону местным жителям, решали ли они какие-то реально существующие проблемы региона? Или эти преобразования, повлекшие неожиданные негативные последствия, частично свернутые и раскритикованные многими влиятельными современниками, проводились столичными чиновниками исключительно из-за либерального духа времени? И, наконец, был ли реализованный в итоге вариант реформ детерминированным и неизбежным?

2. Материалы и методы

Чтобы ответить на эти вопросы, мы обратимся к текстам как сторонников, так и противников той политики, которая проводилась Военным Министерством на Дону в 1860–1870 гг. В их числе такие знаковые для истории донского казачества фигуры как князь А.М. Дондуков-Корсаков, генералы А.П. Чеботарев, И.И. Краснов, Н.И. Краснов, историки-краеведы И.П. Прянишников, Х.И. Попов. Следует сразу оговорить, что большую часть работ участников дискуссии 1860 гг. о перспективах реформ в казачьих войсках, независимо от их формальной жанровой принадлежности (научная монография, газетная статья, официальный документ и т.п.) следует рассматривать как произведения публицистического стиля, направленные на убеждение заинтересованных лиц в правильности изложенных идей. Даже те материалы, которые формально носят служебный характер и не планировались к публикации, фактически были ориентированы на нейтральных читателей, если не на политических противников из чиновничьей среды, которых нужно было склонить к реализации определенного варианта преобразований. Поэтому тексты подобного рода были достаточно интересны для всех образованных жителей Земли Войска Донского, и то, что часть из них попала в печать, а часть так и осталась неизданной, зависело не столько от воли создателей, сколько от внешних факторов. Например, правительственные «Соображения учрежденного при управлении иррегулярных войск комитета о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках», хотя и предназначались не для широкой публики, но для членов местных комитетов в казачьих войсках, почти сразу же после написания были включены Н.И. Красновым в одну из его полемических книг в виде целых страниц цитат (Краснов, 1864: 196-213). С другой стороны, Военное Министерство серьезно опасалось популяризации взглядов своих противников, и в 1863 г. даже ввело в связи с этим специальный цензурный запрет на публикацию оппозиционных его политике материалов, из-за чего значительная их часть так и осталась в рукописях (Volvenko, 2015c: 200-203).

В результате полемические работы участников дискуссии о необходимости реформ донского казачества в 1860 гг. оказались не только разбросаны по страницам новочеркасской и столичной печати, но и скрыты в некоторых архивах. Из известных нам неопубликованных документов в этом отношении наиболее важны упомянутые выше «Соображения о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» Н.И. Краснова (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290), содержащие апологию радикальных реформ казачества, и замечания депутатов Черкасского (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 70) и Хоперского (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240) округов на правительственный проект нового «Положения о войска Донском», в которых идеи Военного Министерства подвергались резкой критике. Последние две рукописи интересны еще и тем, что их вдохновителями и важнейшими авторами, судя по всему, являлись И.П. Прянишников и Х.И. Попов соответственно (Peretyatko, Zulfugarzade, 2017: 374). Среди опубликованных текстов особое значение имеют статьи И.И. Краснова (И.К., 1865: 73-89; Краснов, 1862: 343-356), которого некоторые донские консерваторы считали чуть ли не идеологом правительственных реформ (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 34. Л. 1). Вероятно, самые фундаментальные труды в защиту правительственной политики были созданы его сыном, Н.И. Красновым (Краснов, 1863; Краснов, 1864). Противоположная, оппозиционная точка

зрения была представлена в печати куда менее разнообразно, почти исключительно статьями в «Донских войсковых ведомостях» эпохи редакторства И.П. Прянишникова (Volvenko, 2015c: 94-107).

Специфика источниковой базы, состоящей из противоречащих друг другу публицистических текстов, априори предполагает широкое использование историко-сравнительного метода. Как мы покажем ниже, некоторые из проблем казачества, отмеченных проправительственными авторами 1860 гг., носили скорее фиктивный характер. В то же время другие проблемы признавались в равной степени и сторонниками правительства, и оппозиционными консерваторами, различие между позициями которых заключалось только в предложении диаметрально противоположных путей их решения. Таким образом, только сопоставление работ представителей различных общественно-политических групп, а так же статистических данных о ситуации на Дону, может помочь понять, какие проблемы в 1860 гг. действительно стояли перед донским казачеством, а какие были выдуманы в добросовестном заблуждении или в полемических целях.

С другой стороны, на процесс реформ оказали существенное влияние взаимоотношения Донского войска с центральной властью, и то, как объективно существующие проблемы воспринимались имперским чиновничеством. Поэтому мы будем применять так же историко-биографический метод. На наш взгляд, именно субъективные факторы личных предпочтений Д.А. Милютин и его окружения определили, какой вид, в конечном счете, приобрели Великие реформы на Дону. Использование историко-биографического метода требуют и те материалы, на которых основывается наша работа: до того, как перейти к сравнению текстов, необходимо учесть позицию их авторов по отношению к планируемым преобразованиям, и принять во внимание искажения, к которым могла привести эта позиция.

3. Обсуждение

Дискуссия вокруг милютинских преобразований постепенно затихла к 1890 гг. Для понимания причин этого неожиданного явления следует отметить, что в конце XIX – начале XX вв. изучение прошлого донского казачества носило полулюбительский, часто политизированный характер. Особенно показательна в этом отношении попытка написать официальную историю Войска Донского, предпринятая в 1902–1912 гг. Как показал А.А. Волвенко, представители местных властей отказались от услуг профессиональных ученых с почти комической формулировкой «признать принципиально невозможным составление истории лицами, не принадлежащими к войсковому сословию Донского войска». Инициатором подобного подхода был уже упоминавшийся нами Х.И. Попов, который попутно раскритиковал привлекавшегося для консультаций В.О. Ключевского за прямой вопрос, нужна ли войсковым властям «история формальная, официальная, с известными пропусками» или же «правдивая история». По мнению Х.И. Попова, такое противопоставление было «неправильным и ненаучным» (Волвенко, 2006: 119-121). Не удивительно, что в итоге создать полноценное исследование всей истории донского казачества не удалось, и войсковая администрация приняла решение сосредоточиться на описании героической эпохи М.И. Платова (Волвенко, 2006: 119-122).

Если В.О. Ключевский не сумел удовлетворить запросам донских властей как историк, то это полностью удалось П.Н. Краснову. В 1909 г. по распоряжению наказного атамана А.В. Самсонова вышла в свет книга этого одиозного автора «Картины былого Тихого Дона», представляющая собой популярный очерк прошлого донского казачества со времен его возникновения до начала XX в. И в ней невозможно не заметить очевидной попытки обойти проблемные стороны милютинских реформ. Обратим внимания на два факта, которые в дальнейшем были развиты донской историографией. Во-первых, П.Н. Краснов связывал преобразования Войска Донского в 1860–1870 гг. исключительно с общероссийским, а не с местным контекстом: генерал ни словом не упомянул о каких-либо проблемах на Дону, требующих немедленного решения, зато подчеркивал, что реформы при Александре II проводились повсеместно, и вполне закономерно «коснулись» и Дона (Краснов, 1909: 444). Во-вторых, донской генерал ограничился рассмотрением только некоторых преобразований, укладывающихся в его концепцию благополучного развития Войска Донского под эгидой российских императоров. О том, что введение земств и свободный допуск в войско иногородних вызвали возмущение многих казаков, он предпочел умолчать (Краснов, 1909: 445-446).

И причины такой «забывчивости» как П.Н. Краснова, так и местных властей, отказавшихся от услуг авторитетного ученого, желавшего принять участие в создании «правдивой истории» донского казачества, лежат на поверхности. Недовольство правительственными реформами в начале 1860 гг. доходило до того, что Военное Министерство всерьез опасалось бунта на Дону (Волвенко, 2014: 16). Именно так, «Бунт на Дону», назвал свои воспоминания участник этих событий А.А. Карасев (Карасев, 1900: 167-174). Напомним, что в начале XX в. российские власти проводили курс на «искусственное сохранение казачества» (Волвенко, 2006: 125), а консервативная часть донского общества пыталась извлечь максимум выгоды из такой политики, что ярко продемонстрировал союз местных консерваторов с атаманом Ф.Ф. Таубе (Корниенко, 2013: 73-110). В этих условиях полноценное исследование милютинских реформ на Дону было не выгодно ни властям, ни авторам консервативного лагеря: действия оппозиционеров-«бунтовщиков» 1860-х гг. компрометировали миф о абсолютной преданности казаков Российской империи, а политика Военного Министерства в

эти же годы разрушала представление о незыблемости казачьих привилегий, гарантированных Высочайшими грамотами. И та позиция, которую транслировал П.Н. Краснов в своей книге, оказалась очень удобной полуправдой: в рамках проправительственного официоза было выгоднее рассматривать реформы Донского войска 1860–1870 гг. в общероссийском контексте, как нечто неизбежное, детерминированное общим ходом российской истории и либеральными веяниями эпохи. Разумеется, при подобном подходе вопрос о локальных, специфически донских предпосылках этих преобразований не представлял особого интереса.

В дореволюционный период основным заказчиком обобщающих исторических трудов о донском казачестве выступало государство. Неудивительно, что в консервативную эпоху 1880–1910 гг. все заказы на подобные труды, предполагающие наличие раздела о милютинских реформах, получили консервативные авторы. Помимо П.Н. Краснова, это были П.Х. Попов, который должен был написать упомянутую выше официальную историю донского казачества, но не справился с заданием, и С.Ф. Номикосов, создатель известного историко-статистического описания Дона. П.Х. Попов, по понятным причинам, своей концепции милютинских реформ не создал. Что касается С.Ф. Номикосова, писавшего до П.Н. Краснова, то он так же пытался доказать, что правительственные преобразования 1860–1870 гг. были неизбежны по причинам, не связанным с Донским войском, и не вызвали возмущения у казаков. Донской статистик утверждал, что в 1860 гг. наблюдалось только «некоторое брожение умов» исключительно в Новочеркаске, но никак не недовольство в станицах. Что касается самих реформ, то они, по мнению С.Ф. Номикосова, только развивали «Положение о войске Донском» 1835 г., и были порождены... необходимостью усовершенствования отдельных сторон данного документа, которые не могли не устареть за четверть века (Номикосов, 1884: 48–49). Такая концепция, из-за очевидной несостоятельности, не нашла поддержки у позднейших исследователей и была забыта.

Обобщающих работ по истории донского казачества, носящих либеральный характер, в 1880–1910 гг. создано не было, из-за чего охарактеризовать воззрения донских либералов на преобразование двух предыдущих десятилетий в казачьих войсках заметно сложнее. Но, судя по отдельным статьям и мемуарам, и они полагали, что эти преобразования были predetermined факторами высшего порядка, российским контекстом и логикой эволюции донского казачества. Либеральные авторы не спорили о целесообразности милютинских реформ, но ругали Военное Министерство и самих себя за то, что эти реформы так и не были доведены до логического завершения. Например, А.А. Карасев сетовал, что в начале 1860 гг. он и остальное донское общество были не правы, заставив Д.А. Милютину скорректировать свою политику и отказаться от наиболее радикальных идей. Он писал: «Ей (дожившей до начала XX в. молодежи того времени – А.П.) теперь немного стыдно, что она ратовала за неотменимость старых устоев казачьего существования, за закрепощение казака, теперь так тяжело на нем отозвавшееся» (Карасев, 1900: 173). Соответственно, в дореволюционный период ждать полноценного анализа предпосылок милютинских реформ, с детальным изучением местного контекста, не стоило ни от консерваторов, для которых отдельные аспекты данной темы были табуированы, ни от либералов, считавших целесообразность проведенных преобразований аксиомой.

К сожалению, за прошедший век ситуация изменилась мало. К тому моменту, когда на Дону сформировалось сообщество профессиональных ученых-историков, мнение о естественности и неизбежности реформ донского казачества 1860–1870 гг. стало общим местом, и обсуждению уже не подвергалось. На наш взгляд, этому способствовала как советская концепция детерминированности исторического процесса, так и почти полное отсутствие исследователей, специально занимающихся этим периодом истории Дона. Только в последние десятилетия ситуация улучшилась, и был создан ряд важных и новаторских работ, в той или иной степени затрагивающих историю донского казачества второй половины XIX в. Однако они, как правило, не претендуют на обобщающий характер (Chuikov et al., 2016: 675–687). И, разумеется, в текстах о общественно-политической жизни Земли Войска Донского в 1860 гг. (Volvenko, 2015a; Volvenko, 2015b; Volvenko, 2015c), о отдельных казачьих поселениях (Скорик, 2015) или о правовом положении различных сословий региона (Герман, 2003) детальный разбор такого сложного и многогранного явления, как предпосылки Великих реформ в их донском варианте, был едва ли уместен.

В итоге современные историки продолжают транслировать конструкт историографии вековой давности о том, что милютинские преобразования на Дону были не просто неизбежны, но неизбежны из-за изменений, происходивших в России в целом. Например, один из немногих авторов старшего поколения, регулярно обращающихся в своей исследовательской деятельности к истории Земли Войска Донского 1860 гг., Р.Г. Тикиджян, в своей недавно вышедшей монографии пишет: «Подготовка и проведение необходимых России либеральных реформ 1860–1870 гг., начавшиеся модернизационные процессы в экономике и обществе, объективно должны были привести к постепенному исчезновению казачества как военно-служилого, «полуфеодального», «полупривилегированного» сословия, сохранявшего при этом ярко выраженные черты особого субэтнуса (созэтнуса) великорусского народа. Проблема сохранения казачества именно как «военно-служилого сословия» на пограничных территориях Российской империи, мобильной части армии, особенно на Юго-Востоке и Кавказе, серьёзно беспокоила Императора и Госсовет в контексте

подготовки реформ» (Тикиджьян, 2013: 82). А.А. Волвенко, крупнейший специалист по истории донского казачества середины XIX в., связывает «актуализацию казачьего вопроса» с «модернизацией Российской империи» и «замирением Кавказа и степи» (Волвенко, 2014: 12).

4. Результаты

Прежде, чем перейти к основной части нашей работы, следует отметить, что ситуация, сложившаяся в казачьих войсках к середине XIX в., не устраивала, по большому счету, никого. Критика существующих законоположений велась общественными деятелями самых разных направлений, правительственными чиновниками и простыми казаками, депутатами от станиц. Любопытно, что в это время даже такой противник милотинских реформ, как Н.А. Маслаковец, не только поддерживал мысль о необходимости преобразований в казачьих войсках, но и примыкал к авторам радикального лагеря. В начале 1860 г. он вообще выступил с запиской, в которой настаивал на скорейшей ликвидации Оренбургского казачьего войска! К сожалению, оригинал его текста нам не известен, но, по свидетельству оренбургского атамана П.В. Зворыкина, будущий генерал предлагал «обратить это войско в податное состояние, на том основании, что оно вовсе почти не имеет заслуг воинственности, и, оберегая линию, несло постоянно скорее полицейскую, чем военную службу, что примеры участия полков этого войска в военных действиях были редки, при настоящем же положении дел в здешнем крае оно вовсе не удовлетворяет своему назначению, и теперь казаки дурно или даже вовсе не обучены и совершенно почти не привычны к отбыванию воинской службы». Н.А. Маслаковец доказывал, что «от этого преобразования и казна и край весьма выиграют» (ОР РНБ, Ф. 748, ед. хр. 3, Л. 1). Именно из-за большого количества работ, призывающих к изменениям на Дону и в казачьих войсках в целом, мы не будем останавливаться на отдельных документах, но попытаемся систематизировать их содержание, выделив важнейшие местные донские факторы, которые делали необходимым проведение серьезных реформ.

1) *Не разработанность ресурсов Земли Войска Донского.* Неоднократно упомянутому нами донскому статистику Н.И. Краснову принадлежат крайне любопытные расчеты. В «Соображениях о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» он показал, что если бы плотность населения на Дону в 1860 г. соответствовала хотя бы характерной для относительно малонаселенных уральских губерний, то общее число жителей Земли Войска Донского достигло бы 1 400 671 душ мужского пола против 468 331 душ в реальности (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 134об.-135об.). На основании приводимых Н.И. Красновым цифр мы установили, что если в Самарской губернии на душу мужского населения в это десятилетие приходилось 11,7 десятин удобной земли, в Симбирской губернии 4,4 десятины удобной земли, а в Оренбургской губернии 12 десятин удобной земли (Peretyatko, 2016: 311), то на Дону на душу мужского населения приходилось целых 27 десятин удобной земли (Peretyatko, 2016: 316).

Правда, сами казаки уже жаловались на сокращение площадей наделов, но эти жалобы носили весьма своеобразный характер. Например, депутаты от Хоперского округа в 1863 г. находили недостаточными станичные юрты в своих станицах, в которых в среднем приходилось по 23 десятины земли на мужскую душу, и требовали их доведения до прописанной в законе пропорции в 30 десятин на душу. Они признавали, что и имеющихся юртов вполне достаточно для поддержания благосостояния казачьих хозяйств, но требовали дополнительные участки для улучшения станичного коннозаводства. Очевидно, понимая сомнительность такого довода, депутаты призывали не дожидаться момента, когда казаки ощутят реальное стеснение от недостатка земли, но действовать на опережение, не создавая самой возможности для подобного развития событий (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 120б.-130б.). На наш взгляд, подобные жалобы свидетельствовали не о недостатке земель на Дону, но о непонимании казаками реальной ценности земельных угодий и желании сохранить ситуацию, когда экономические проблемы отдельных хозяйств решались не за счет эффективного использования паевых участков, но за счет их размеров.

И у казаков были свои причины бороться за сохранение старого порядка. Н.И. Краснов, возможно, крупнейший критик экономической составляющей казачества 1860 гг., сетовал на их нежелание нормально заниматься земледелием. «Как ни значителен этот (казачий – А.П.) надел, простирающийся и теперь до 20 десятин на душу, хлебопашество у казаков находится во младенческом состоянии. Казак охотнее выбирает более легкие промыслы: скотоводство, овцеводство, виноделие, рыболовство и торговлю, и только в бедных угодьями и запасною землею округах Усть-Медведицком и Хоперском казаки стали обращать внимание на земледелие» (Краснов, 1863: 248). «При хорошей запашке и более густом сеянии казаки могли бы получить достаточные урожаи; но русское авось (курсив авторский – А.П.) не позволяет урожаю превысить сам-четверть, а в сухие годы казаки теряют даже посеянное зерно» (Краснов, 1863: 250). «Дурно запаханная земля, молотьба лошадьми, плохая очистка хлеба суть причины, уменьшающие ценность казачьего хлеба, идущего в продажу. Нередко казаки получают за свою пшеницу вдвое меньше помещиков. Только развитие образованности, знакомство с началами сельского хозяйства на школьных скамьях могут побудить казаков принять улучшенные методы агрономии; ни пример помещиков, ни огромные барыши, получаемые купцами-арендаторами, не могли до сих пор изменить у казаков их системы

земледелия. В бытность нашу в станице Луганской, лежащей в 18 верстах от Луганского литейного завода, мы не нашли у казаков никаких усовершенствованных орудий для земледелия» (Краснов, 1863: 250). Может показаться, что видный донской статистик сгущал краски, но его современник М.Н. Харузин шел даже дальше, утверждая, что «по словам самих станичников», казачьи хозяйства не могли существовать без работников из великорусских губерний. Он приводил даже цитату неназванного казака: «русский и плетень огородит, русский и коваль, он же и землекоп, и портной, и плотник, и овчинник, и пустовал, и чернорабочий, и торговец» (Харузин, 1885: XXVIII). Впрочем, для самих казаков такое положение дел было только поводом для гордости. По свидетельству А.М. Дондукова-Корсакова, каждое лето на заработки в казачьи хозяйства нанималось около 100 000 крестьян. «Каждый немного зажиточный казак, особенно во время покоса и уборки хлеба, нанимает себе работника из пришедших крестьян, и считает себя на это время хозяином их» (Карасев, 1896: 575).

Специфику казачьего подхода к сельскому хозяйству ярко демонстрировало поведение многих бедных казаков. По традиции, земли в станичных юртах не делились, и каждый хозяин запахивал столько, сколько мог. В теории такое положение было удобно всем, однако к началу 1860 гг. оно стало вызывать неудовольствие в относительно малоземельных станицах. Часть казаков, обычно из наименее зажиточных, выступала за правильный раздел земли, причем планируя не работать на своих участках, но сдавать их в аренду богатым соседям (Краснов, 1863: 249). В казачьей среде такие настроения не вызвали осуждения: в 1863 г. депутаты от станиц хотя и признавали, что желание правильных разделов было основано на надежде некоторых станичников сдавать паевую землю, не возделывая ее самостоятельно, но, несмотря на это, находили идею раздела «справедливой». Поэтому депутаты требовали организовывать разделы юртовых земель даже если большинство жителей станицы не одобряли данную инициативу. Кроме того, настойчиво рекомендовалось наказывать богатых казаков за самовольную запашку чужого пая после раздела не штрафом, но передачей всего урожая «настоящему хозяину», который не работал (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 17-18об.). Забегая немного вперед, отметим, что допуск иногородних на территорию Земли Войска Донского и последовавший за этим рост арендных цен на землю ярко продемонстрировали всю неестественность и порочность подобного отношения к сельскому хозяйству, которое предполагало, что казаки не столько трудятся на своих участках, сколько используют их в качестве источников дохода с помощью рабочей силы батраков или арендаторов. Снова дадим слово современникам. «Пользуясь высокими арендными платами, казаки стали бросать свое хозяйство, предпочитая сдавать всю свою землю в аренду (курсив мой – А.П.). Полученные деньги в громадном большинстве случаев истрачивались самым непроизводительным способом, и в результате получалось не только материальное разорение казаков и их семейств, но и нравственная порча населения, так как деньги, добытые таким легким способом, давали казаку возможность предаваться праздности, а в случае нужды рассчитывать на помощь общества или войска» (Столетие, 1911: 91).

Остается констатировать, что к середине XIX в. Земля Войска Донского была малонаселенной территорией, жители которой, к тому же, не демонстрировали особенного трудолюбия. Винить их в этом, с учетом традиций Дона и практики многократных призывов на службу, было трудно: в николаевское время казак служил в общей сложности 30 лет, с недолгими перерывами на льготу после каждых 3–4 лет пребывания в строевых частях (Столетие, 1907: 97-111). Соответственно, заниматься хозяйством он мог только во время кратковременных возвратов домой, с учетом неизбежности скорого призыва, или в пожилом возрасте, в чистую выйдя в отставку. И трудно не согласиться с Н.И. Красновым, который писал: «Если принять в соображение, что поголовная воинская повинность известного населения препятствует ему развивать сельскую и городскую промышленность, употреблять свои капиталы на торговые предприятия, и вообще идти по пути гражданственности, а так же, что самое боевое снаряжение, приобретаемое казаком лично, а не гуртом, стоит по крайней мере вдвое дороже, чем оно стоит казне, то мы придем к естественному заключению, что при содержании казачьих военных населений вместо регулярных войск, должна терять и государственная казна, вследствие недополучения с определенного населения доходов, и сами казаки, коих материальное благосостояние далеко ниже того, которое могло бы развиваться от приложения свободного труда к благодатным поземельным угодьям. Без сомнения, пока Россия была окружена дикими и кочевыми ордами, вторгавшимися в ее пределы, когда источники государственных доходов состояли из одних прямых личных податей, и правительство даже не имело понятия о важности косвенных налогов, количество которых главным образом зависит от свободного пользования подданных своим трудом и капиталом – в то отдаленное время казачьи населения вполне соответствовали обстоятельства. <...>. Однако уже император Петр Великий осознавал вред от исключительно военного направления казаков, вводя между донцов сельскую промышленность и неразлучную с нею гражданственность» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 121об.-122). Исправить ситуацию и обеспечить быстрое экономическое развитие донских земель было крайне проблематично без резкого, вызванного не только естественным приростом увеличения населения. Кроме того, было бы неплохо, если бы пришельцы подходили к земле иначе, чем казаки, работая на ней с большим трудолюбием. Но внешнему притоку людей на территорию Земли Войска Донского мешал следующий фактор.

2) *Замкнутость Донского войска.* Вокруг этой проблемы сложилась куда более запутанная ситуация. Прежде всего, следует различать замкнутость казачьего сословия и относительную закрытость Земли Войска Донского для жителей остальной России. Официальное российское законодательство в середине XIX в. гарантировало и то и другое, и под «китайской стеной, отделяющей Дон от России» мог подразумеваться запрет на вступление в казачество, а могло – восприятие иногородним приобретать недвижимость на Дону.

Впрочем, обе эти особенности вызывали резкое неприятие у имперской бюрократии. В этой связи интересны замечания либерального министра внутренних дел П.А. Валуева на разработанный с участием станичных депутатов проект нового «Положения о войске Донском». Приведем обширную цитату из официальной переписки правительственного чиновника. «Подтверждением доводов расширить право казачьего сословия внутри войска и укрепить замкнутость от единства с Империей служит то, что Комитет, проектируя ст. 339, относит к обязанностям поземельного отделения: «охранение неприкосновенности войсковых границ», ибо в противном случае, вместо слова «границ», следовало поставить слово «земель», чтобы устранить и самую мысль о неприкосновенности границ между составными частями всего государства. Конечно, настоящее обстоятельство, отдельно взятое, не подлежало бы, может быть, и суждению по мелочности заключающегося в нем предмета, но значение его в совокупности со всеми другими статьями проекта положения, клонящимися к *обособлению страны* (курсив мой – А.П.), делается несомненным и не должно уже быть обойдено незамеченным» (Волвенко, 2014: 18).

Если подобное писал либерал, то чего можно было ждать от консерваторов? М.Н. Катков в 1864 г. прямо обвинил в сепаратизме ту часть войсковой администрации, которая поддерживала казакоманов, донских общественных деятелей, выступавших за сохранение исторических традиций Донского войска и оппозиционных правительству (Перетяцько, 2015: 227-233). К.П. Победоносцев, лично побывавший на Дону в 1863 г., был несколько более сдержан в оценках. «Донское казачество, бесспорно, имеет свою славную историю и свои исторические особенности быта, которые отрицать и насильно невозможно, точно также как невозможно отрицать индивидуальный характер каждой личности; но на этот раз пылкие приверженцы псевдо-исторической идеи построили эту идею не по действительной истории, а по тем мечтательным началам, которые воображение показало и расписало им яркими красками в истории старого казачества. С этим идеалом соединили понятие об исключительности и замкнутости быта на Дону и старались возвестить на высоту начала подозрительное ко всем посторонним, т.е. к так называемым «иногородним». <...>. А тут еще в добавок с берегов Невы донеслись до Дона ребяческие мечты и сказки о самостоятельности всякого рода племен в русском государстве, об автономии языка и учреждений, о федеративном начале и т.п.» (Бабст, Победоносцев, 1864: 526-528).

Опасения столичных жителей старательно раздували прогрессисты, проправительственно настроенные донские чиновники и офицеры, обвинявшие своих оппонентов в том, что они «созидают искусственную народность», производя донских казаков от жителей Тьмутараканского княжества и противопоставляя их русским (Краснов, 1862: 343-356). Сейчас в это трудно поверить, но в 1860 гг. донской сепаратизм казался многим реальной угрозой, и остроумный и язвительный М.Е. Салтыков-Щедрин жаловался: «В скором времени нельзя будет купить фунта балыка, чтобы вслед за тем не последовало обвинения в сепаратизме в пользу Земли Войска Донского» (Салтыков-Щедрин, 1864).

Таким образом, у имперской элиты вызывал неприятие сам принцип замкнутости, безотносительно к его реальному применению на Дону. Не важно, раздражало ли чиновников это наследие казачьего прошлого как «не соответствующее духу новейшего законодательства» (характеристика взята из внутренней переписки Военного Министрства, и, на наш взгляд, хорошо отражает критику «границ между составными частями всего государства» П.А. Валуевым (Волвенко, 2014: 18), или в закрытости донского региона видели семена сепаратизма (на практике этот сепаратизм существовал скорее в воображении прогрессистов и сотрудников правительственного аппарата (Перетяцько, 2015: 227-233). «Китайская стена» между Землей Войска Донского и остальной Российской империей должна была быть разрушена уже из-за этих абстрактных соображений влиятельных лиц, независимо от местных реалий.

Но и эти реалии не способствовали сохранению прежней казачьей замкнутости. Очевиднее всего это проявлялось в отношении частичной территориальной закрытости Земли Войска Донского. Формально эта закрытость проявлялась в запрете иногородним покупать недвижимость на Дону, но на практике, судя по архивным документам, станичные власти могли просто в любое время прогнать со своей территории любого не казака, если находили его присутствие «отяготительным» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 24-240б.). Несмотря на это, как мы писали выше, каждое лето десятки тысяч батраков приходили обрабатывать казачью землю. В верховых станицах были остро востребованы российские купцы, поскольку число казаков торгового общества строго ограничивалось, и они торговали главным образом в Новочеркасске (Краснов, 1863: 235-236). Наконец, на территории станиц де-факто постоянно жили иногородние ремесленники и мастера, которые «если не наживали больших капиталов», то, во всяком случае, «имели обеспеченное содержание», благодаря большому спросу на свою работу (Краснов, 1863: 236). Приток почти бесправных пришельцев, накладываясь на существующее законодательство, создавал обстановку, которую трудно было назвать

здоровой. Н.И. Краснов писал, что «иностранцы или нанимают квартиры, или имеют дома на имя казаков, и бывают от последних в большой зависимости» (Краснов, 1863: 235).

Такое положение дел, разумеется, не устраивало пришлое население Земли Войска Донского. И в 1858 г. группа торговцев обратилась в Военное Министерство с ходатайством о разрешении приобретать недвижимость на станичных территориях (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 24). Из-за общей либеральной тенденции, характерной для российской политики 1850–1860 гг., или по каким-то иным причинам, военные власти запросили мнение на этот счет станичных обществ, благодаря чему мы можем яснее представлять отношение рядовых казаков к вопросу о территориальной замкнутости Донского войска. «В допущении поселения в станицах иностранных они (общества) особенной пользы не находят, но, напротив, предвидят, что с правом этим будут водворяться в станицах по неотклонимым проискам многие иногородние люди, для станиц вовсе не нужные, бесполезные, или даже вредные по поведению, чего впредь нельзя предусматривать, ибо из опыта известно, что многие из приходящих на найм иностранных сначала стараются казаться людьми порядочными, а после оказываются самыми дурными. Следовательно, могут составить только лишнее для станиц отягощение, потому, что теперь подобные люди без затруднения высылаются из станиц, а тогда этого сделать почти невозможно, или сопряжено с большими затруднениями. <...>. Лица же, полезные торговыми и другими занятиями, пользуются у нас уже и теперь уважением, и не стесняются в приобретении квартир и помещений для торговли по условиям с гражданами, всегда выгодными для первых (курсив мой – А.П.)» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 24-25). Станичные общества бесхитростно сознались, что выполняют имперские законоположения о территориальной замкнутости Донского войска от прочих сословий только тогда, когда им это выгодно, в противном случае позволяя «полезным» иногородним не просто жить в станицах, но и приобретать там недвижимость. Судя по материалам депутатов от Хоперского округа, которые выступили против подобной порочной практики, юридическая база для полуполюгального обхода законов не составляла особого секрета. Ей было либо «заемное письмо, выданное войсковым обывателем иногороднему с залогом означенных строений», либо «условия и контракт, дающие право иногороднему возвести постройки с предоставлением пользоваться ими на неограниченное время» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 26).

Что оставалось делать в таких условиях правительственным чиновникам? Безусловно, можно было закрыть глаза на происходящее нарушение закона, как, очевидно, это и делалось прежде. А вот наладить реальный контроль за иногородними, проживающими в станицах, и за их попытками приобрести недвижимость, было значительно труднее. Уровень делопроизводства местных властей носил откровенно фиктивный характер: как раз в начале 1860 гг., при наделении крестьян землей, «бесследно исчезла» примерно 21 000 человек. Это были коренные крестьяне, жившие на станичных юртах, и не желавшие переселяться на специально выделенные им участки (Карасев, 1867: 85-86, 103-104). Если, вопреки закону, удалось «исчезнуть», сохранив свои прежние наделы, бывшим крепостным, чье существование в конкретном округе Земли Войска Донского было зафиксировано ревизиями, то насколько проще было это сделать иногородним, при условии, конечно, поддержки станичных властей!

Но стоило ли вообще имперской администрации бороться с нарушителями, тем или иным путем приобретавшими недвижимость на Дону? И станичные общества в 1858–1859 гг. (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 24-25), и депутаты Черкасского (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 70. Л. 40б.-5) и Хоперского округов (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 25-250б.) в 1863 г., призывая сохранить существующее законодательство в этой сфере, ссылались на то, что территориальная закрытость Земли Войска Донского выгодна казачеству (пример подобной риторики мы дословно привели выше). Но Российская империя не была казачьим государством, и иногородние, в том числе и «обременительные» для станиц, были для российских чиновников такими же гражданами, как и казаки. Более того, их привлечение на Дон было выгодно для разрешения проблемы, о которой мы писали выше, проблемы неразработанности местных ресурсов. Это всячески подчеркивали авторы прогрессистского лагеря. Вот что писал Н.И. Краснов, которому предстояло вскоре возглавить одно из отделений Главного Управления Иррегулярных войск. «Большая часть помещиков и тех из дворян, которые кончили образование в столицах, считают необходимым прием иногородних, полагая, что эти последние могли бы своими капиталами разработать те дары природы, которые в земле донских казаков столько времени не имеют движения, как от недостатка рук, занятых военной службою, так и от бедности в капиталах по слабому развитию промышленности. <...>. Принимая в соображение чувство национальности, любви к родине, которая говорит так сильно в казаках, нельзя однако ж не сознаться, что права и привилегии донского населения не приносят общей пользы (курсив мой – А.П.). В следующих главах, при рассмотрении промышленности и торговли донского края, мы увидим, что при настоящих условиях жизни донских казаков, промышленность развивается у них очень медленно, образование в упадке, а вместе с этим донские жители не пользуются теми дарами, которыми природа наделила их с такой щедростью» (Краснов, 1863: 231-232). Итак, территориальная закрытость Донского войска на практике уже была нарушена, и ее восстановление требовало привлечения серьезных ресурсов. И многим лучшим выходом казалось легализовать поток иногородних, разрешив им навсегда селиться в станицах, приобрести себе дома и участки, а главное,

вкладывать свой труд и капитал в столь необходимое экономическое развитие Дона на правах полноправных хозяев.

Вокруг сословной замкнутости казачества ситуация была еще проще. На первый взгляд, соответствующие законоположения строго выполнялись, делая невозможным как вступление в войсковое сословие, так и выход из него. Однако все громче звучали голоса критиков этих законоположений. Возможно, самые убедительные тексты подобного рода принадлежали И.И. Краснову. «Казачья служба нужна не для войска Донского, а для всей России. Поэтому, в разных губерниях, много прекрасных и очень хорошо образованных молодых людей, из дворян, изъявляли желание поступить в донские казаки, но, по нынешнему порядку, при всех стараниях, не могли достигнуть цели. В старину такая кипучая молодежь, исполненная удалства и отваги – неотъемлемых принадлежностей русского народа – проложила бы дорогу себе на Дону и принесла бы, может быть, нашему казачеству такую же пользу как Платовы, Орловы, Иловайские. А теперь, когда полки наши наполняются одними природными донцами, мы, к прискорбию, начинаем замечать в некоторых из них, особенно в офицерах, какую-то вялость, апатию, и должны сознаться, что иногда встречаются у нас офицеры, уступающие офицерам регулярным в отношении ревностного одушевления» (Краснов, 1862: 348). «Разрешая зачисляться в казаки войска Донского сторонним лицам, следует, разумеется, позволить и донцам избирать вне войска себе поприще по призванию или по желанию каждого. Таким образом, открылась бы и для донских казаков та дорога, которая нам одним заграждена из всех подданных великого Русского царства, и которою беспрестанно пользуются не только все иностранцы, но даже бывшие враги России – татары и поляки. Тогда всякий, кто чувствует в себе какое-либо особое дарование, мог бы дать ему пищу и развить его» (Краснов, 1862: 350). «По законам природы люди рождаются со способностями к тем предметам и занятиям, которых от них требует общество. Во всяком же обществе, а, следовательно, и в войске Донском, нужны и ученый, и художник, и купец, и всякого рода мастеровой, больше же всего земледelec. Но у нас все жители должны бросать занятия, для которых создала их природа, или должны упражняться в этих занятиях среди службы, урывками, и, волею-неволею, приниматься за пику; а делам, к которым влечет их сердце, может посвятить себя только самое малое число лиц, и то с большими затруднениями» (Краснов, 1862: 347). Возможно, характеристика, данная И.И. Красновым «природным донцам» покажется кому-то слишком резкой. Однако генерал, если и ошибался, имел право на субъективное мнение: он основывался не на каких-то абстрактных умозаключениях, но на богатом боевом опыте, который получил в бытность походным атаманом на Кавказе в разгар войны с горцами и при успешной обороне Таганрога от англо-французских сил в 1855 г. (Королев, 1991: 210-221). Кроме того, как мы покажем ниже, боеспособность казачьих частей в 1850–1860 гг. действительно упала, что подтверждается целым рядом свидетельств. Трудно сказать, насколько допуск всех желающих в донские полки решил бы эту проблему, но определенная логика в этой части рассуждений Н.И. Краснова была.

И уже точно соответствовали действительности его утверждения о росте числа казаков, желающих сменить мундир на штатскую одежду, пику на счеты или книгу. Это признавали даже казакманы. Правда, депутаты от Хоперского округа подчеркивали, что сам по себе принцип замкнутости казачества ничуть «не стесняет желающих выбрать другой род жизни». Таким людям, теоретически, достаточно было вступить в общество торговых казаков, члены которого освобождались от службы за «небольшой взнос» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 6). Однако на практике жители большинства донских округов не могли воспользоваться подобной возможностью: численность торгового общества была строго зафиксирована, и в 1863 г. из 1000 его членов 308 было приписано к Новочеркасску, 401 к Черкасскому округу, по 115 к 1 и 2 Донским округам, 24 к Усть-Медведицкому округу, 19 к Миусскому округу, 12 к Донецкому округу и всего 6 к Хоперскому округу. Причиной такой неравномерности было отнюдь не малое число желающих вступить в торговое общество в отдаленных от центра Земли Войска Донского округах: информация о освобождающихся вакансиях торговых казаков почти всегда доходила до отдаленных станиц слишком поздно, и к моменту подачи заявок их жителями место обычно уже оказывалось занято желающим из Новочеркаска или ближайших к нему поселений (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 7-8). Кроме того, необходимость откупаться от призыва представляла собой, по мнению депутатов от станиц, «нарушение прав ученых и художников, получивших специальное образование», поскольку представители других сословий, имеющие аналогичное образование, от воинской повинности освобождались в принципе (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 606). Бессмысленность всеобщей военной службы казаков, без исключений и изъятий, к 1860 гг. была очевидна всем. Настроения имперской элиты, многочисленные иногородние, купившие недвижимость в станицах, и представители казачества, не желающие служить – «китайская стена, отделяющая Дон от России» должна была быть разрушена.

Литература

Бабст, Победоносцев, 1864 – Бабст И.К., Победоносцев К.П. Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М., 1864. 568 с.

- Волвенко, 2006 – Волвенко А.А. Как донским казакам историю хотели написать... Официальный заказ, историк и местная администрация (1902–1912 гг.) // Историческое сознание и власть в зеркале России XX века. СПб., 2006. С. 115-125.
- Волвенко, 2014 – Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860–1870 гг.) // Известия Самарского центра Российской академии наук. Т. 16. №3. 2014. С. 12-20.
- ГАРО – Государственный архив Ростовской области.
- Герман, 2003 – Герман О.Б. Правовое положение крестьянства и казачества Юго-Востока Европейской России в 1861–1920 гг. Ростов-на Дону, 2003. 575 с.
- И.К., 1865 – И.К. Обучение молодых казаков в Донском войске // Военный сборник. 1865. № 1. С. 73-89.
- Карасев, 1867 – Карасев А.А. Донские крестьяне // Труды Донского Войскового статистического комитета. Вып. I. Новочеркасск, 1867. С. 69-121.
- Карасев, 1896 – Карасев А.А. Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле Войска Донского // Русский архив, 1896. Кн. 12. С. 569-591.
- Карасев, 1900 – Карасев А.А. Бунт на Дону в 1862–1863 годах // Исторический вестник. 1900. № 80. С. 167-174.
- Козлов, Козлов, 2000 – Козлов А.А., Козлов А.И. Имперская политика огосударствления, милитаризации и закрепощения казаков в XIX – начале XX века / Казачество: прошлое и настоящее. Волгоград, 2000. С. 95-125.
- Корниенко, 2013 – Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. 232 с.
- Королев, 1991 – Королев В.Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону, 1991. 464 с.
- Краснов, 1862 – Краснов И.И. О народности в Донском войске // Военный сборник. 1862. № 4. С. 343-356.
- Краснов, 1863 – Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.
- Краснов, 1864 – Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Войска Донского. СПб., 1864. 352 с.
- Краснов, 1909 – Краснов П.Н. Картины бывшего Тихого Дона. СПб., 1909. 522 с.
- Номикосов, 1884 – Номикосов С.Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. 774 с.
- ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
- Перетяцько, 2015 – Перетяцько А.Ю. Донской сепаратизм 1860 гг.: мифы, реальность и влияние на правительственную политику // Проблемы полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья. Ростов-на-Дону, 2015. С. 227-233.
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
- Салтыков-Щедрин, 1864 – Салтыков-Щедрин М.Е. Литературные мелочи // Современник. 1864. № 5.
- Скорик, 2015 – Скорик А.П. Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск, 2015. 1184 с.
- Столетие, 1907 – Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. XI. Ч. 3. СПб., 1907. 695 с.
- Столетие, 1911 – Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. XI. Ч. 4. СПб., 1911. 462 с.
- Тикиджьян, 2013 – Тикиджьян Р.Г. Донское казачество в конце XIX – начале XX века. Исторический портрет. Саарбрюккен, 2013. 228 с.
- Харузин, 1885 – Харузин М.Н. Сведения о казачьих общинах на Дону: материалы для обычного права: вып. 1. М., 1885. 432 с.
- Chuikov et al., 2016 – Chuikov O.E., Gordeev I.A., Batyrov V.V. The Discoveries and Achievements of Modern Historiography of the Don Cossacks in the Second Half of the XIX Century // Bylye Gody, 2016, Vol. 41, Is. 3. pp. 675-687.
- Peretyatko, 2016 – Peretyatko A.Y. N.I. Krasnov and his “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges” // Russkii Arkhiv. 2016. Vol. 14. Is. 4. pp. 301-320.
- Peretyatko, Zulfugarzade, 2017 – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. Higher and Secondary Education of the Don Cossacks in the Context of the Epoch: the Time of the Great Reforms // European Journal of Contemporary Education. 2017. 6(2). pp. 367-377.
- Volvenko, 2015a – Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // Russkaya Starina. 2015. Vol.13. Is. 1. pp. 19-37.
- Volvenko, 2015b – Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II // Russkaya Starina. 2015. Vol.14. Is. 2. pp. 94-107.
- Volvenko, 2015c – Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III // Russkaya Starina. 2015. Vol.(15). Is. 3. pp. 194-207.

References

- Babst, Pobedonostsev, 1864** – Babst I.K., Pobedonostsev K.P. (1864). Pis'ma o puteshestvii gosudarya naslednika tsesarevicha po Rossii ot Peterburga do Kryma [Letters about the journey of the heir to the throne of Russia from St. Petersburg to the Crimea]. M. [in Russian].
- Volvenko, 2006** – Volvenko A.A. (2006). Kak donskim kazakam istoriyu khoteli napisat'... Ofitsial'nyi zakaz, istorik i mestnaya administratsiya (1902–1912 gg.) [As for the Don Cossacks, history was written ... Official order, historian and local administration (1902–1912)]. Historical consciousness and power in the mirror of Russia of the 20th century. SPb. pp. 115-125 [in Russian].
- Volvenko, 2014** – Volvenko A.A. (2014). Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoi politike epokhi «velikikh reform» (1860–1870-e gody) [The Don Cossacks in the governmental policy at the era of "great reforms" (1860–1870s)]. *Izvestiya Samara scientific centre of Russian Academy of Sciences*. Vol. 16. Is. 3. pp. 12-20 [in Russian].
- GARO** – State archive of the Rostov region.
- German, 2003** – German O.B. (2003). Pravovoe polozhenie krest'yanstva i kazachestva Yugo-Vostoka Evropeiskoi Rossii v 1861–1920 gg. [Legal status of the peasantry and the Cossacks of the South-East of European Russia in 1861–1920]. Rostov-on-Don. [in Russian].
- I.K., 1865** – I.K. (1865). Obuchenie molodykh kazakov v Donskom voiske [Training of young Cossacks from the Don]. *Voennyi Sbornik*. №1. pp. 73-89 [in Russian].
- Karasev, 1867** – Karasev A.A. (1867). Donskie krest'jane [Peasants of Don region] // Works of the Statistical Committee of Don Host Oblast. Vol. I. Novocherkassk. pp. 69-121 [in Russian].
- Karasev, 1896** – Karasev A.A. (1896). Zapiska knyazya A.M. Dondukova-Korsakova o Zemle Voiska Donskogo [The note by the Prince A. M. Dondukov-Korsakov about Don Host Oblast]. *Russkii arkhiv*. Vol. 12. pp. 569-591 [in Russian].
- Karasev, 1900** – Karasev A.A. (1900). Bunt na Donu v 1862–1863 godakh [Riot on the Don in the 1862–1863]. *Historical Herald*. 1900. №. 80. pp. 167-174 [in Russian].
- Kozlov, Kozlov, 2000** – Kozlov A.A., Kozlov A.I. (2000). Imperskaya politika ogosudarstvleniya, militarizatsii i zakrepushcheniya kazakov v XIX – nachale XX veka [The imperial policy of nationalization, militarization and enslavement of Cossacks in the XIX – early XX century] / Cossacks: the past and the present. Volgograd. pp. 95-125 [in Russian].
- Korniyenko, 2013** – Korniyenko B.S. (2013). Pravyj Don: kazaki i ideologija nacionalizma (1909–1914). [Right Don Cossacks and the Ideology of Nationalism (1909–1914)]. SPb. [in Russian].
- Korolev, 1991** – Korolev V.N. (1991). Starye Veshki. Povestvovanie o kazakakh [Old Veshki. The story about the Cossacks]. Rostov-on-Don. [in Russian].
- Krasnov, 1862** – Krasnov I.I. (1862). O narodnosti v Donskom voiske [About the national issue in the Don Host]. *Voennyi Sbornik*. № 4. pp. 343-356 [in Russian].
- Krasnov, 1863** – Krasnov N.I. (1863). Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Zemlja vojska Donskogo [Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast]. SPb. [in Russian].
- Krasnov, 1864** – Krasnov N.I. (1864). Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska [Military review of the Don Host Oblast]. SPb. [in Russian].
- Krasnov, 1909** – Krasnov P.N. (1909). Kartiny bylogo Tihogo Dona [Pictures of the last of the Quiet Don]. SPb. [in Russian].
- Nomikosov, 1884** – Nomikosov S.F. (1884). Statisticheskoe opisanie Oblasti Voiska Donskogo [Statistical description of the Don Host Oblast]. Novocherkassk. [in Russian].
- OR RNB** – Department of manuscripts of Russian national library.
- Peretyat'ko, 2015** – Peretyatko A.Y. (2015). Donskoi separatizm 1860 gg.: mify, real'nost' i vliyanie na pravitel'stvennyuyu politiku [Don separatism of 1860: myths, reality and influence on government policy] / Problems of a polyethnic macroregion in the conditions of destabilization of the Caspian-Black Sea region. Rostov-on-Don. pp. 227-233 [in Russian].
- RGVIA** – Russian state military and historical archive.
- Saltykov-Shchedrin, 1864** – Saltykov-Shchedrin M.E. (1864). Literaturnye melochi [Literary trifles]. *Sovremennik*. № 5 [in Russian].
- Skorik, 2015** – Skorik A.P. (2015). Milyutinskii kazachii yurt: opyt istoricheskoi rekonstruktsii [Milyutinsky Cossack yurt: the experience of historical reconstruction]. Novocherkassk. [in Russian].
- Stoletie, 1907** – Stoletie Voennogo ministerstva 1802–1902 [Century of the Ministry of Defence of 1802–1902]. T.11. Ch.3. SPb., 1907. [in Russian].
- Stoletie, 1911** – Stoletie Voennogo ministerstva 1802–1902 [Century of the Ministry of Defence of 1802–1902]. T.11. Ch.4. SPb., 1911. [in Russian].
- Tikidzh'jan, 2013** – Tikidzh'jan R.G. (2013). Donskoe kazachestvo v konce XIX – nachale XX veka. Istoricheskij portret [Don Cossacks in late XIX – early XX century. A historical portrait]. Saarbrücken. [in Russian].
- Kharuzin, 1885** – Kharuzin M.N. (1885). Svedeniya o kazatskikh obshchinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava: vyp. 1. [Information about the Cossack communities on the Don: materials for customary law: vol. 1]. M. [in Russian].

[Chuikov et al., 2016](#) – *Chuikov O.E., Gordeev I.A., Batyrov V.V.* (2016). The Discoveries and Achievements of Modern Historiography of the Don Cossacks in the Second Half of the XIX Century. *Bylye Gody*, Vol. 41, Is. 3. pp. 675-687 [in Russian].

[Peretyatko, 2016](#) – *Peretyatko A.Y.* (2016). N.I. Krasnov and his “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges”. *Russkii Arkhiv*. Vol. 14. Is. 4. pp. 301-320 [in Russian].

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2017](#) – *Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E.* (2017). Higher and Secondary Education of the Don Cossacks in the Context of the Epoch: the Time of the Great Reforms. *European Journal of Contemporary Education*. 6(2). pp. 367-377.

[Volvenko, 2015a](#) – *Volvenko A.A.* (2015). Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I. *Russkaya Starina*. Vol.13. Is. 1. pp. 19-37.

[Volvenko, 2015b](#) – *Volvenko A.A.* (2015). Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II. *Russkaya Starina*. Vol.14. Is. 2. pp. 94-107.

[Volvenko, 2015c](#) – *Volvenko A.A.* (2015). Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III. *Russkaya Starina*. Vol.(15). Is. 3. pp. 194-207.

УДК 93/94

«Чтобы дать народу или племени новый порядок, надо сперва спросить его, нужен ли ему этот порядок»: местные предпосылки реформ 1860–1870 гг. на Дону. Часть I

Артем Юрьевич Перетятко ^{a, b, *}

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^b Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. До настоящего времени преобразования Донского войска 1860-1870 гг. связывали главным образом с общероссийским контекстом Великих реформ и модернизацией Российской империи. В своей статье мы попытались проследить региональные предпосылки этих преобразований, и понять, были ли они необходимы донскому казачеству. На основании работ современников, включая архивные материалы (неопубликованные рукописи казачьих чиновников, проекты депутатов от казачьих станиц) мы пришли к выводу, что Донское войско в середине XIX века находилось в состоянии серьезного кризиса. Земля Войска Донского в экономическом отношении все больше отставала от обычных губерний Российской империи. Кроме того, традиционная замкнутость донского казачества вызывала раздражение имперских чиновников, считавших ее проявлением "донского сепаратизма", а местные реалии вступили в противоречие с сохранением этой замкнутости.

Ключевые слова: Великие реформы, Д.А. Милютин, Область Войска Донского, преобразования Донского войска 1860–1870 гг., кризис донского казачества середины XIX в.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетятко)